

ГЕННАДИЙ ГУСЕВ

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ЛОНДОН

I

40 лет тому назад, в 1971 году, то есть более чем через полвека после Октября 1917 года, было, наконец, создано первое (и единственное!) общероссийское литературное издательство “Современник”. Его “временно” разместили в столице на улице Ярцевской в бывшем детском садике. Новое, достойное помещение было построено только через 13 лет, при третьем по счёту директоре. О том, как это произошло, — мой рассказ.

*Что нам сто́ит дом построить?
Нарисуем — будем жить.*

Из старой шутливой песенки

... Однажды (ещё и полугодом не прошло, как я сменил кабинет главного редактора “Роман-газеты” на “игровую комнату” директора издательства “Современник”) раздался очередной звонок моего прямого начальника — председателя Госкомиздата РСФСР Н. В. Свиридова. Голос шефа звучал как-то приподнято, интригуя: “Приезжай, Геннадий. Есть интересный разговор”.

На всякий случай (это уже стало правилом) набросал на листке из блокнота с десяток “неотложек” — горячих, непростых вопросов, решение которых не терпело отлагательства. Нехватка бумаги; острые кадровые “занозы”; цензурные препоны... А всё-таки, что за разговор припас для меня Николай Васильевич?

... Свиридов “сосватал” меня на директорство, когда я вдруг занедужил тромбофлебитом осенью 1980 года, вскоре после победной Московской олимпиады. Он позвонил мне в Боткинскую, выразил твёрдую уверенность, что болезнь (якобы пустяковую) я быстро одолею, и ждёт меня нелёгкий, но благородный труд на ниве российского книгопроизводства.

До чего же это был красивый, цельный, искренний, влюблённый в своё дело мужик! Вот уж кому никак не подходило нынешнее суконное журналистское тавро — “чиновник”. Человек из стального поколения победителей, он храбро воевал, его грудь украшали боевые, а не “поддатые” (приуроченные к юбилейным датам) ордена и медали. Он был участником великого сталинского Парада Победы в июне 1945 года. А ещё он был настоящим преданным рыца-

* Лондон Лев Израилевич — член Союза писателей СССР, заслуженный строитель РСФСР. — Авт.

рем Книги – и сколько же их, мудрых и не очень, талантливых и “проходных” – выходило в десятках издательств и типографий необъятной России под его хозяйским, заботливым и неусыпным надзором!

– Ну, как тебе работается на Ярцевской? – спросил Николай Васильевич и хитровато, заговорщицки улыбнулся, выпустив облачко сигаретного дыма.

– Да ничего вроде... – неопределённо промычал я, не в силах скрыть любопытства.

– Пытаешься догадаться? – Свиридов вновь широко улыбнулся и взмахнул сигаретой. – Намекну понятнее: устраивает тебя, что “Современник” ютится, потеснив ребяташек, в детском саду?

Ага! Похоже, сбилось предсказание моего предшественника Коли Шундика, который предсказывал мне “новый шикарнейший кабинет”, уговаривая прийти в “Современник” и вдохнуть в издательство, поражённое тщеславием и чрезмерным винопитием, “здоровый и крепкий русский дух”. Правда, почему-то при этом обзывал меня, чудно и туманно, совсем не русским именем Заратустра...

– Поздравляю тебя! – говорил между тем Свиридов напористым голосом. – Наконец-то решение Моссовета принято. Выделен участок под новое помещение для издательства – ориентировочно две тысячи квадратных метров. Чуешь, какой размах?

Моё сердце радостно встрепенулось. Наконец-то!

– Только учти, – тут же охладил меня министр, – это будет не особняк недалеко от Арбата, а просто целый первый этаж 17-этажного жилого дома на Хорошёвском шоссе. Давай прямо завтра съездим туда. Согласен? А сейчас вот чем надо озоботиться: кто персонально этот воз потянет? Думаю, надо тебе подыскать второго зама, по строительству. Дрожжев мужик хороший, но он – чистый полиграфист, тем и ценен. Стройка – не его дело. Да и возраст...

– И не моё тем более! Какой из меня строитель? – продолжил я.

– Да я понимаю... – Николай Васильевич призадумался, потом энергично хлопнул ладонью по столу, как всегда, заваленному книгами. – Думаем вместе. Я Родионова* подключу. Найдём, найдём человека. Такое помещение отгрохаем... вот увидишь!

II

И двух-трёх дней после той беседы не прошло, как ко мне в “игровую комнату” (то есть в директорский кабинет) вошёл прозаик, член Союза писателей Лев Израилевич Лондон. Скромный, тихий еврей, в больших уже годах – но глаза живые, выразительные, рука ещё крепкая, не каких-то “пять холодных сосисок”. (Это сравнение внезапно прилетело ко мне из какого-то давным-давно читанного рассказа. Содержания, убей Бог, не помню, а “сосиски” застряли-таки в памяти.)

Обычное дело: автор принёс заявку на издание, дерзает выпустить, ни много, ни мало, “Избранное”. Ого! Ничего себе “тихий”, претендует на пухлый томище объёмом “ориентировочно 40 авторских листов”! Это сколько ж бумаги на него пойдёт, сколько гектаров русского леса придётся вырубить – а будет ли что читать? Так, понятно: “...в романе и повестях рассказывается о самоотверженном труде славных советских строителей...” Куда яснее – производственная тема, произведения о жизни рабочего класса, к публикации коих нас неустанно зовут ЦК и Госкомиздат...

– Товарищ Гусев... – Лев Израилевич доверительно склонился ко мне и почему-то сразу перешёл на полужёпот. – Сразу вижу, вас смущает объём книги. Да, вместо неё можно издать десяток поэтических брошюр (он выморкался, сунул платок в брюки, извинился) или два чьих-то романа по двадцать авторских листов. Но поймите: жизнь моя клонится к закату, и так хочется, пока ещё есть время, подвести выразительную черту под своей многолетней литературной работой! Строительство я уже оставил. “Избранное” – моя последняя, заветная мечта...

* Родионов Сергей Петрович – в те годы первый заместитель председателя Госкомитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли (сокращённо Госкомиздат, или ещё проще – Комитет по печати).

Что-то вдруг словно подтолкнуло меня, пронеслась вихрем шальная мысль: строитель... московский, заслуженный... значит, богатые связи в этом неведомом мне мире... Да и выглядит вполне молодцом... А вдруг?! Эх, была не была!

— Лев Израилевич, вы сказали, что оставили строительство. А что, если я предложу вам вернуться к нему... скажем, на пару лет?

Лондон замер от удивления. К чему клонит молодой директор? Ему про книгу, а он...

Тут меня понесло, как по кочкам. Я, вздыхая, жаловался, как тесно, как неуютно нам живётся в этом, у детей отнятом, доме, как несолидно, не престижно и снаружи, и в интерьере выглядит *единственное* общероссийское литературное издательство.

Вот, дескать, если бы такой классный специалист, как он, Лондон, согласился взвалить на себя бремя нашей стройки — как славно, по-писательски ярко завершил бы он свою инженерную карьеру! А “Избранное”, что ж — оно стало бы её эффектным венцом.

Потрясённый Лондон долго молчал, склонив голову. Потом вскинулся, щёки покраснели, глаза вспыхнули.

— То есть вы предлагаете мне...

— ... стать моим заместителем по делам строительства нового здания для нашего издательства! Правда, мне предстоит ещё всё согласовать с начальством: штатное расписание, понимаете, новая ставка, кабинет... Но всё решаемо! — Я уже не мог остановиться.

— Успокойтесь! — сказал вдруг, неожиданно обретая твёрдость в голосе, Лев Израилевич. — Мы с вами всё можем решить сами — и прямо сейчас.

Тут уж настал мой черёд оторопеть: что имеет в виду мой собеседник? А он, что называется, не переводя дыхания, стал говорить, что не надо его втискивать в штат, нужды в кабинете не будет (“мы все проблемы будем решать вот здесь, у вас в кабинете”), никаких финансовых комбинаций и хлопот с оплатой труда нового зама не будет.

— Мы всё исполним строго по-советски! — почти торжественно заявил Лондон. — Я пишу заявление с просьбой утвердить меня в новой должности *на общественных началах*. А зарплаты — никакой, хоть год, хоть два. Вознаграждение — только после сдачи “под ключ” завершённой новостройки. Вы понимаете — я имею в виду гонорар за “Избранное”... Я сейчас же пишу заявление! — повторил он и попросил листок бумаги.

У меня кружилась голова. Свиридов-то ничегошеньки не знает, а я уже не просто сагитировал — по сути взял на работу совсем-совсем незнакомого мне человека. И что скажу я ему, если Николай Васильевич совсем по-другому оценит мой “брак” с Лондоном?

— Послушайте, Лев Израилевич, — проговорил я, пытаюсь улыбнуться. — Понимаете, всё произошло так молниеносно, так скоропалительно... Как в омут с головой. Давайте так: завтра докладываю руководству — тогда и...

— Свиридова я знаю и уважаю, — сказал Лев. — Ну, а если не выйдет, я на вас ничуть не обижусь. Напротив — спасибо за доверие, такое неожиданное, такое человеческое. А заявление — пусть полегит. Утро вечера мудренее!

Лондон раскланялся. В самом деле, был уже вечер. Таня-секретарша устала заглядывать в “детскую”: ей нужно было бежать за дочкой в садик. Директор остался сидеть в кресле за столом, обхватив обеими руками свою дурную, горячую голову...

III

“А не поговорить ли, между прочим, с Прокушевым?” — пришло мне в голову рано утром, ещё до ухода на работу. Юрий Львович — первый директор “Современника”. Отец-основатель! Вспомнилось, как он в первые мои тревожные директорские дни настоятельно советовал ни в коем случае не избавляться (под шумок кадровой “санации”) от старшего редактора отдела прозы Виктории Геллерштейн. “Имей в виду, — назидательно внушал мне Львович, — Виктория в своём роде ключевая фигура!” Я удивился, а он вот как “просветил” меня:

— Ты знаешь, к “Современнику” уже давно приклеено прозвище — “русопяты”. А ты им в ответ: “Да у нас лучший редактор носит фамилию Геллерштейн!”

А Лондон в роли замдиректора — это ещё более круто! Не мешкая, приг-

ласил Юрия прогуляться в Суворовском парке (жили мы с ним в одном квартале неподалёку от станции метро “Кунцевская”). Львович горячо одобрил мой кадровый “экспромт”. Впрочем, я заведомо в этом не сомневался. Но голос Прокушева немаловажен в разговоре со Свиридовым!

А вот как Лёня Фролов, главный редактор? Его мнение важно по сути. Мы совсем недавно вместе, но сколько уж раз он предостережёт меня от поспешных, импульсивных действий и обещаний, от эмоциональной торопливости, а особенно от излишней доверчивости, перешедшей, наверное, в мои гены от простодушных деревенских предков моих.

Гены, впрочем, я приплёл вряд ли к месту. Лёня-то Фролов ещё ближе к крестьянскому роду – вологодский, приятно “окающий”, вроде бы душа нараспашку. А вот и нет! Обстоятелен, оглядчив, осторожен, немногословен – семь раз примерит, помолчит, и лишь когда все сомнения рассеются, скажет, нажимая на “о”: хо-ро-шо.

Ох, как трудно далось мне это фроловское слово, когда я агитировал его перейти в наш “Современник” из дружеского журнала-тёзки! Сидели мы с ним часа три в ресторане “Карпаты”, осилили бутылочку молдавского “Аиста” (молодые были!) – молчит, упрямец, улыбается. А я честно говорю ему – горячо, сбивчиво, – что один я в поле не воин, победить можно, только если вдвоём, спина к спине, как в деревенской драке.

– А что Викулов? – наконец, спросил меня Лёня. Я тут же стал уверять его, что фронтовик Сергей Васильевич, как друг фронтовика Свиридова, не пойдёт поперёк.

– Хо-ро-шо. Викулов отдаст – пойду к тебе, – коротко подвёл итог мой будущий главный. Я, в свою очередь, заверил, что беру Викулова “на себя”. К счастью, Сергей Васильевич упирался недолго – понимал, какво мне в одиночку...

Лёня изучил заявку Лондона, полистал его пухлую рукопись и дня через три (они показались мне вечностью) вынес своё суждение: сочинения Лондона, конечно, скучноваты, однообразно “производственны”, однако...

– И не такое приходится печатать! – Фролов энергично махнул рукой. – С трудом, но дотягивает до нашей нижней планки. Так что можно идти на договор со спокойной совестью. Другой вопрос, чем реально может помочь – или помешать? – пенсионер Лондон могучему Мосжилстрою отстроить целый первый этаж по особому, не стандартному плану. Но рискнуть... пожалуй, сто́ит!

После этого я, что называется, с лёгким сердцем выложил “лондонскую” объективку и его заявление пред ясны очи Свиридова.

– Смотри, не ошибись, Геннадий, – сказал Н. В, возвращая мне бумаги. – Выплати ему 25% сразу – и жди, пока дом не вырастет. Года два-три, говоришь? И Лондон будет ждать? – В голосе председателя просквозило недоверие.

– Будет ждать! Как миленький! А главное – будет землю рыть на благо издательства! – радостно воскликнул я.

Свиридов проводил меня грустным взглядом. Наверное, заранее сочувствовал чересчур доверчивому мечтателю, каким и был директор его любимого, выстрадавшего десять лет назад “Современника”.

IV

Договор с Лондоном заключён. Объём книги – 40 авторских листов, тираж (предварительный) – 30 тыс. экз., оплата за лист – 300 руб. Это получается по 4 тыс. руб. в год, или 330 в месяц. Совсем не худо, чуть-чуть меньше, чем у директора издательства! Однако улита едет, да когда будет?

Лев начал формировать свою команду, причём неформально, необычно. Я долго не мог понять, зачем он приводит ко мне “на смотрины” строителей, многие из которых больше никогда на наших “планёрках” (они проводились два раза в месяц в моём кабинете) и не появлялись. Чего от них ждать? И какой с них спрос? Лондон, таинственно улыбаясь, успокаивал меня: “Не волнуйтесь, все эти люди рано или поздно пригодятся нам!” Не скрою, частенько посещала меня после таких недолгих “смотринов” занозистая мыслишка: не охмуряет ли меня Лев Израилевич?

Тут самое время сказать о том, что неперенным условием проведения “планёрок” со строителями была подготовка для каждого участника скромного подарка – небольшого набора книг, изданных “Современником”. Зловещее слово “откат” существовало тогда только в девственном своём значении: “катить прочь, откатить, доставить куда-либо катя... откат орудия, отдача” (В. И. Даль). Мы с Лондоном регулярно “откатывали” стройчиновникам упакованную в обёрточную бумагу издательскую продукцию – разного калибра и разного эстетического веса.

Нет-нет, Боже упаси от воровства даже в самых благих целях! У нас был постоянно пополняемый резерв: положенные по закону – директору и главному редактору – два бесплатных экземпляра каждой выходящей книги. Всего в год выпускалось более трёхсот изданий. (В 1983-м – ровно 365, то есть каждый день – новая книга!)

А в конце 1981 года в наших руках оказалось “стратегическое оружие” огромной пробивной силы – поэтический “Нерв” Владимира Высоцкого, самое первое в стране книжное издание его избранных стихотворений.

Издание “Нерва” – это отдельная увлекательная история. Здесь важно будет подчеркнуть, что право на издание “Современником” этого сборника было получено Свиридовым с самого “верху” – естественно, не без упреждающих оговорок: издайте скромно, не разгоняйте объём, не вздумайте повысить тираж и т. д. и т. п. (Кстати, о тираже. Ещё из 70-х запомнился мне такой случай. Отдел культуры ЦК дал “добро” на издание в “Библиотеке поэта” стихов О. Мандельштама. Книготорговая сеть запросила немислимое число экземпляров, но издано было всего 10 тысяч...)

Николай Васильевич всё мне разобъяснил, посмотрел на меня исподлобья, изучающе – и вдруг поощрительно засмеялся: действуй по обстановке, только не зарывайся!

Потом завертелось... Марина Влади привезла рукопись – большущую папку Володиных стихов. Право окончательного отбора их в будущий сборник она любезно предоставила “Современнику”. Роберт Рождественский написал предисловие. Оно начиналось с такой фразы: “Эта книга – не песенник”. Я догадался сразу, что эта фраза – полемична. Ведь даже друзья Роберта (Евтушенко, Вознесенский) старательно подчёркивали, что Высоцкий – модный бард, но, увы, ещё не поэт.

Так уж вышло (волею судьбы), что и с тиражом мы перебрали (аж 55 тыс. экз.!), и бумагу заморскую, финскую пришлось выделить на “Нерв” – короле, был простор для упрёков и угроз со стороны многих “бдящих”. Но куда больше оказалось... не бдящих, а просящих! Мой телефон раскалялся от звонков с просьбами о “томике Высоцкого” – начиная с приёмных Брежнева и Громыко до родного райкома и райисполкома...

...То, что “Нерв” станет стимулятором ускорения хода строительства, я понял задолго до выхода книги. Но понадобится не десяток, не два, а минимум две сотни экземпляров! Где их взять? В книжных магазинах? Исключено. Там они разлетятся мгновенно, как стая испуганных воробьёв. Значит, надо добиться письменного указания председателя на продажу из комитетского киоска.

– ...Николай Васильевич! Чтобы ускорить и завершить стройку, мне нужно как минимум 300 экземпляров “Нерва”! – приставил я “нож к горлу” Свиридова.

– С ума сошёл! – возопил председатель. – Хочешь оставить Комитет без этого издания? Да завтра у меня весь аппарат забастует! И думать не смей!

– Ну, хорошо, хорошо... – пошёл я на попятную. Но далеко не ушёл. – Триста – да, пожалуй, я чуточку перегнул. Но двести – в самый раз; иначе разобидятся мои лондоны, фрактеры, файнштейны, и ничего мы с ними не поделаем. Вот это будет забастовочка! А дом-то уж закотлованился!

Долго мы ещё рядились, заодно намечая следующие шаги упрочения смычки со строителями. Уф, всё-таки удалось получить разрешение на покупку двухсот сборников в моё личное распоряжение! Я пошёл на склад, вручил тётке-продавщице записку Н. В., отсчитал свои кровные 280 рублей (по рупь сорок за каждый томик), погрузил книги в автомобиль, отвёз на Ярцевскую и надёжно упрятал их в директорский сейф. Ну, Высоцкий, выручай!

V

... Который раз за минувшие тридцать лет беру в руки поистёршийся, потускневший от времени “Нерв” — единственный из оставшихся двухсот. А сколько своих нервов сгорело, пока вырос к весне 1984 года бело-голубой дом-корабль на Хорошёвском шоссе, весь первый этаж которого по-хозяйски занял “Современник”!

Весь первый этаж — и не только. В нескольких метрах от основного здания белеет прямоугольная одноэтажная коробка, соединённая с основным зданием крытым переходом. Коробка как коробка... но для меня она драгоценнее любых архитектурных изысков. Потому что это — *моя творческая строительная идея!*

... Во время одной из первых поездок с Лондоном на площадку будущего дома я обратил внимание на одинокое, опутанное проводами строение, сиротливо торчащее на пустыре. Лев объяснил мне, что бывшая ЭТП — электро-техническая подстанция — теперь уже никому не нужна и по проекту подлежит сносу.

— Жалко, — вздохнул я. — Пожалуй, “квадратов” двести будет... и псу под хвост...

— Лес рубят — щепки летят, — беззаботно улыбнулся Лев Израилевич. — На этом месте цветы посадят, и Вы будете любоваться ими из окна своего кабинета.

— А что, если не сносить эту халабуду, а именно в ней оборудовать мой кабинет? То есть разместить весь директорский корпус? — вдруг осенило меня — так, что кровь радостно застучала в висках.

Заслуженный строитель России терпеливо объяснил мне, несведущему, что развёрнутый проект дома уже готов, что через четыре дня его утвердят, и на площадку прибудут строители с техникой. ЭТП, которая так меня заинтересовала, находится, к сожалению, далеко от будущего дома...

— Разве только тоннель прорыть — метров на 30, или галерею крытую перекинуть... Да кто ж на это пойдёт? — снисходительно объяснил Лев.

— ... А если дом к ЭТП придвинуть? — не унимался я. — Ведь проект пока только на ватманах! Попросить проектантов, простимулировать их... Перечертить, подвинуть — никто не узнает, — запальчиво воскликнул я.

Лондон занервничал. Я почуял, что ему моя идея нравится, но он пока не может вычислить, насколько она жизнеспособна.

— В “Моспроекте”, кроме начальства, все — женщины, и все наверняка влюблены в Высоцкого. Вы берёте на себя “верхи”, а я — прямо к народу, в массы, с горячим поэтическим словом! — продолжал я атаку на старика.

Озабоченно вздохнув, Лондон взял паузу: “Надо подумать”. Оказывается, кроме переделки проекта (плюс новый проект директорского корпуса в здании ЭТП), предстояло заново скорректировать землеотвод для всего огромного 17-этажного дома. А это уже — согласования в других инстанциях, у иных начальников...

Но время не ждёт! У нас всего четыре дня, из них два — выходные. В понедельник — окончательное утверждение проекта в целом. Значит, к понедельнику, кровь из носу, надо “передвинуть” дом поближе к ЭТП, “соединить” их коротким крытым переходом. А проект новой пристройки подождёт, не к спеху! Итак — срочно в “Моспроект”. Вся надежда — на любовь. К поэзии.

VI

“Любовь, что движет солнце и светила...” В том числе и дома!

... Лев Израилевич, гладко выбритый, отутюженный, пышущий “Шипром”, уже ждал меня у дверей “Моспроекта”. Я бодро выбрался из “Волги”. Тяжёлый портфель, напичканный “Нервом”, приятно оттягивал руку.

— Ну, с Богом! — сказал я Льву, не уточняя, чьего бога я имею в виду. — И с Владимиром Семёновичем — думаю, не подведёт он нас и на этот раз...

И ведь получилось, чёрт возьми! Девчата-чертёжницы — человек десять, все как на подбор скромные, глазастые, молчаливые, слушали меня, размахивающего томиком “Нерва”, затаив дыхание и ещё не вполне веря, что драгоценная книжица может стать — совсем скоро! — личным достоянием каждой. Всего и делов-то — посвятить субботу и воскресенье переделке чертежей!

Дело привычное, если начальство не против. Да вон уже он, один из них, очкарик, головой согласно кивает, молча одобряет: сделаем, дескать, будьте спокойны!

Припомнив свою комсомольскую юность, я заливался соловьём, потом пустил по рукам фото, где был запечатлён рядом со знаменитой “Колдуньей”: мы с нею оба в очках и улыбаемся, довольные... Сгрудившись вокруг нас со Львом, девчата терпеливо ждали, пока издатель старательно подпишет каждой из них заветный томик. Автограф, увы, не авторский, но всё-таки памятный, с указанием дня и даже часа получения книги. Кстати сказать, идея эта принадлежала не мне, а самим труженицам кульмана.

Тридцать лет промчались – и где она, эта профессия? Мудрые, молниеносно соображающие компьютеры стали “ликвидкомом” профессии чертёжника. Та же судьба постигла миллионы девушек и тётушек, прикованных к пишущей машинке в многочисленных машбюро всяческих учреждений и организаций. Теперь по клавишам компьютера или ноутбука стучат все, кому не лень и кому в охотку...

Мои “Нервы” продолжали разлетаться по самым разнообразным “строям” и “снабам”, ускоряя ход строительства. Через несколько лет жена удивлённо спросит меня: “Оказывается, тебе как директору полагалась бесплатно каждая издаваемая книга. Это же целая тысяча за три года! Где же они?” Я засмеялся и назвал адрес издательства в доме на Хорошёвском шоссе.

Так что́ это было, если говорить серьёзно: вековечный двигатель прогресса – взятка, или?.. “Не подмажешь – не поедешь”; “Осина не горит без керосина”; “Пчёлка, и та взятку берёт” и т. д. – это из русских пословиц и поговорок. У Даля: “Взятка – поборы, приношения, дары, гостинцы, приносы... магарычи, плата или подарок должностному лицу во избежание стеснений или подкуп его на незаконное дело”.

О Владимир Иванович! Всё точнёхонько распределил: тут тебе и безобидные (как правило) гостинцы, и амбивалентные, то есть двойственные по сути своей дары и магарычи, и однозначно противозаконное мздоимство, корыстолюбие, продажность, подкуп.

Мы с Лондоном, как и большинство советских людей, останавливались на рубеже благодарных гостинцев, приносов и подношений в виде книг, кои почитались в те времена лучшим подарком в самой читающей стране мира. Это уж потом, после кардинального слома социалистической системы, воцарилось в России чудische ненасытное – тотальная многомиллиардная коррупция. Вспоминаю тогдашних мздоимцев и грустно улыбаюсь: не тот размах, не тот масштаб... Но когда грянула свобода хапать и грабить, сколько почти безобидных любителей “даров” превратились в ненасытных монстров коррупции.

... Как-то приходим мы с Лондоном к очень крупному стройснабженцу общегородского масштаба... В кабинете – полно народу, все такие низкопоклонные, растерянно и льстиво улыбающиеся, смиренно ждут очереди, чтобы припасть к руке “самого”, что возвышается, грузный, почти недоступный, над громадным письменным столом. Но сначала, прежде чем подать прошение и пробормотать просьбу, нужно положить “гостинец” в открытый, глубокий, почти бездонный нижний ящик руководящего стола. И сыплются в него блоки заграничных сигарет, коробки с коньяками и виски, диковинные шариковые и перьевые ручки. Ни дать ни взять – “служба одного окна”. Решения принимаются быстро. Хозяин вроде бы и не взглядывает, что поднесено ему, что упало в общую кучу. Подошла, наконец, и наша очередь.

Я сразу понял: они, конечно же, знакомы! (Вообще, Лондон, как мне казалось, знал всех, кто нужен нашему делу – все были свои и по профессии, и по крови.) Чиновник строгим взором пронзил немногих оставшихся в кабинете – все тут же вымелись в приёмную. Мы всласть поговорили о поэзии – ну как же, мы ведь не только в шпингалетах и унитазах разбираемся, но и почитать любим! Бумаги были подписаны. Скоро они превратились в реальные двери для кабинетов, в линолеум, обои, в те самые шпингалеты и унитазы...

Вот я до сих пор думаю: а был ли тот снабженец взяточником? Ведь сегодня самая нижняя планка коррупции – тысячи рублей. Это сколько ж сигарет и коньяков, сколько баночек кофе нужно было собрать тому снабженцу,

чтобы “выйти” на уровень нынешней почти безобидной взятки? Но – “курочка по зёрнышку клюёт”. О tempora, o mores...

VII

Скоро сказка сказывается, да не скоро дома строятся. Впрочем, “команда Лондона” сделала всё добросовестно и без фокусов. Зимой 1984-го, как раз через три года после первой “строительной” беседы со Свиридовым, издательство начало готовиться к переезду на Хорошёвку. Мои патриоты из отделов поэзии, прозы и критики перестали перешёптываться, перемигиваться, ухмыляться: охмурили, дескать, “лондонцы” нашего Гуся, они и не таких вокруг пальца... ещё неизвестно, чем для директора его “пропаганда русской литературы” среди жуков-комбинаторов завершится... А завершалось деловито, прозаически: навешивались двери, монтировалась электропроводка, настлались полы. И наступил, наконец, благословенный миг – я вошёл в новый свой, ещё пахнущий свежей краской, самим спланированный рабочий кабинет! Вот они, позади кресла и во всю заднюю стену, книжные стеллажи, прочерченные когда-то на простом листке из тетрадки в клеточку; вон впереди – глубокая ниша для телевизора: а как же иначе? Правда, дистанционных пультов тогда ещё не было, и новенький белорусский “Горизонт” требовал *подхода* при включении. Так ведь и хорошо – не засидишься! Увы, такие игривые мечты мои не сбылись: всего лишь месяца полтора-два оставалось мне сидеть в директорском кресле...

Разумеется, договор со Львом Израилевичем был выполнен безоговорочно и даже с некоторым опережением. “Снег в июле” (избранная проза Лондона, 40 авт. листов) “выпал” ещё до окончания стройки. Ему было тогда “всего лишь” 74 года, то есть меньше, чем мне сейчас.

VIII

Более четверти века минуло с той поры. Каким-то неожиданно сухим, чересчур деловитым было наше с Лондоном расставание. И моей вины в том, пожалуй, больше: нагрянула новая, большая и ответственная работа в Совмине России – не до Лондона! Да и времена надвигались новые, грозные, трагические. С приходом иуды Горбачёва начал сперва поскрипывать и потрескивать, а потом, ускоряясь, стал рушиться, распадаться могучий дредноут Советской Империи.

... А Льву Лондону суждена была до-о-лгая жизнь! В марте 2005 года он отметил аж 95-ю годовщину своего бытования на земле. Прожил дольше Л. Леонова и С. Михалкова!

“А не позвонить ли Льву?” – как-то посетила меня мысль. Вообще-то ужас как боязно звонить старикам после столь долгого перерыва... Но всё-таки пересилил себя, набрал “лондонский” телефонный номер. В трубке прозвучал чужой нетерпеливый голос: “Какой Лондон? Ты что, мужик, охренел? Это Москва!”

... Вновь проплыли передо мной в густом тумане ушедших лет улыбочные девчата из “Моспроекта-3”... Виталий Фрактер, бывший начальник “Главзарибежстроя”, закадычный друг Лондона и тонкий ценитель русской поэзии. Но я не забыл, что её вершиной он считал-таки Мандельштама... Анатолий Таяновский из “Мосстроя”... Остальные из “лондонской команды” забылись, прошли сквозь текст, как бесплотные тени. Но, наверное, у всех, кто ещё живёт на земле, сохранились “гостинцы” от “Современника” начала 80-х годов. Тогда они были неотъемлемым признаком интеллигентности. А сейчас... читает ли их кто-нибудь из детей и внуков?... Грустный вопрос со столь же горьким ответом. Уходит (не дай-то Бог, навсегда!) эпоха подлинных духовных радостей. Техники, изощрённой, услужливой – всё больше. Всё меньше и меньше – восторга и трепета “пред созданными искусствам и вдохновенья”... (А. С. Пушкин)